

Неизвестный

Последний
приют

Неизвестный
Последний приют

«Автор»

2025

Неизвестный

Последний приют / Неизвестный — «Автор», 2025

Леон всю свою жизнь отдал картографии. Мир, который он так тщательно измерял, оказался ложью. Поддаваясь странному порыву, он следует за загадочной незнакомкой. В дороге его преследует тень умершей жены и встречается загадочная Элиза — женщина, которая появляется в дождь и исчезает с рассветом, пахнет полынью и не отбрасывает тени. «Карты лгут. Настоящие пути рисует ветер — мелом на спине вечности». Когда Леон понимает, что Элиза не простая незнакомка, а в заброшенной обсерватории телескоп смотрит не в небо, а в бездну под ногами — он оказывается на пороге выбора. Вернуть то, что потеряно? Или научиться идти туда, где заканчиваются все карты? Погибать, стараясь удержать, или отпустить и научиться жить заново?

© Неизвестный, 2025

© Автор, 2025

Содержание

Пролог. Похороны	5
Глава 1. Дождь и незнакомка	7
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Неизвестный Последний приют

Пролог. Похороны

Небо не просто лило – оно выло холодным, колючим дождём. Каждая капля, ударяясь о чёрный шёлк зонта в руке Леона, отдавалась ледяной иглой где-то глубоко внутри, в пустом пространстве, где раньше билось сердце. Зонт дрожал. Не от порывов промозглого ветра, который рвал полы его старого плаща, а от той всепоглощающей, тошнотворной пустоты, что разъедала его изнутри, выедавая плоть и оставляя лишь полые, хрупкие кости, готовые рассыпаться в прах под тяжестью происходящего.

Внизу, в сырой яме цвета мокрого пепла, медленно, неумолимо опускался гроб. Полированный дуб, ленты, венки – ритуальный набор, который должен был означать прощание, уважение, скорбь. Но Леон не видел гроба. Его взгляд, затуманенный не дождём, а невыплаканными слезами и ужасом, проектировал. Он видел карту.

Венки, разбросанные по краю могилы и на мокрой земле, превратились в Архипелаг Скорби. Каждый цветок – скала отчаяния, каждый лист – утёс безысходности. Они уходили под воду грязи, острова тонущего мира.

Траурные ленты, повисшие мокрыми сосульками на венках и ручках гроба, стали реками. Но не полноводными артериями жизни, а тонкими, чёрными струйками, текущими в никуда. В бездонное ущелье вечного "*после*", где не было берегов, не было цели, только бесконечное падение.

И первая горсть земли, глухо шлёпнувшаяся на крышку гроба священником... Она не была просто комьями глины. Она растекалась, формируя очертания нового, чудовищного материка. Материка, которого не должно было существовать на его внутренней карте мира. Материка Смерти. Он вторгался в акваторию его жизни с Анной, перекраивая береговые линии, стирая знакомые очертания сокрошенных бухт счастья, накрывая города их общих воспоминаний толщей холодной, мёртвой породы.

И тут, как лезвие бритвы, прорезая бредовую картографию горя, в сознание вонзилась мысль, острая и беспощадная: «*Почему она?*»

Она ударила с такой силой, что Леон едва не выронил зонт. Физически ощутимой болью, как удар ножа под ребра.

Безумие. Бессилие. Абсолютное, унижительное поражение его разума, его науки, его веры в то, что мир можно измерить, зафиксировать и понять.

Дождь стучал по зонту, превращая похоронную процессию в размытое серое пятно. Земля продолжала падать на крышку гроба, расширяя границы того ужасного, несуществующего материка. А Леон стоял, сжимая рукоять зонта до побеления костяшек, глядя в сырую яму, где навсегда застревают его попытки нарисовать карту того, что не поддаётся ни измерениям, ни пониманию. Только боли. Бесконечной, колючей, как этот дождь.

Чья-то рука – безликая, в чёрной перчатке – сунула ему в ладонь ком холодной глины. Она была не просто сырой. Она была липкой, мерзко присасывающейся к коже, как живая, и тяжёлой, словно отлитой из расплавленного свинца. Вес этой горсти тянул его руку вниз, к могиле, к Анне, в небытие. Он сжал пальцы, чувствуя, как мерзкая субстанция заполняет складки кожи, проникает под ногти – печать смерти.

И тогда сквозь монотонный стук дождя по зонтам, сквозь сдавленные всхлипывания, сквозь гул в собственных ушах он услышал шёпот. Нежный, едва уловимый, знакомый до боли.

Он лился откуда-то сверху, с веток мокрых деревьев, или поднимался из самой могилы, или рождался в разломах его собственного сознания. Шёпот ветра? Дождя? Анны?

«*Брось...*» – пронеслось в воздухе, обволакивая ледяной нежностью. «*Это не твоя вина.*»

Слова, которые он отчаянно жаждал услышать и которые теперь жгли, как раскалённое железо. Неправда! Ложь! Его вина была тяжелее этой глины, чернее земли, глубже этой могилы. Шёпот пытался вырвать ком из его руки, снять груз, но он лишь сжал пальцы сильнее, до хруста в суставах. Вина была его единственной связью с Анной сейчас. Отпустить её – значило окончательно предать.

Он сделал шаг к краю могилы. Дождь хлестал по лицу, смешиваясь с чем-то солёным на губах. Он разжал пальцы. Комок липкой земли, тёмный, бесформенный, отделился от его руки и полетел вниз. Он падал долго, мучительно долго, втягивая в себя взгляд Леона. И ударил о полированное дерево крышки с глухим, окончательным стуком – звуком приговора, оглашенного в пустом зале его души. Звуком забиваемого последнего гвоздя.

—*Моя.*

Слово сорвалось с его губ не громче шелеста мокрого листа, но в его голове оно прогремело, как взрыв. Оно повисло в сыром воздухе, не нуждаясь в подтверждении. Это был факт. Закон. Основа его нового, страшного мира.

Рядом, так близко, что он почувствовал исходящий от неё холод ненависти, стояла сестра Анны. Её лицо было маской скорби, сведённой судорогой сдерживаемой ярости. Дождь стекал по её щекам, как слезы, но настоящие слезы, казалось, выгорели, оставив лишь тлеющие угли в глазах. И эти глаза кричали. Они впивались в него, прожигая насквозь, и в их чёрной глубине бушевал немой вопль:

«Ты убил её! Ты! Где ты был? Твои проклятые карты, твои экспедиции, твои чертовы координаты – они были важнее её жизни?! Ты променял её на бумагу и чернила! Убийца!»

Он видел эти слова, написанные огненными буквами на её сетчатке, чувствовал их жгучее клеймо на своей душе.

Но когда её губы дрогнули, с трудом разжимаясь, из них вырвалось лишь хриплое, механическое:

—*Держись.*

Слово. Ритуальная фраза. Пустая скорлупа утешения, брошенная в пропасть его горя. Они прозвучали не поддержкой, а последним, унижительным плевым. Контраст между этим жалким звуком и яростным обвинением её взгляда был невыносим. Он всё понял: её "держись" значило "держись подальше". "Держись" значило "не падай здесь, при мне". "Держись" значило "я не прощу тебя никогда".

Леон отшатнулся, будто от удара. Зонт выскользнул из ослабевшей руки и упал в грязь. Ледяной дождь хлестнул по лицу, по шее, проникая под одежду, но это было ничто по сравнению с холодом, исходящим от этого взгляда и от той чёрной ямы, где теперь навсегда осталась его Анна и его вина, тяжёлая, как расплавленный свинец, и липкая, как могильная глина. Слово "**Моя**" все ещё звенело в нем, единственная истина в рушащемся мире.

Глава 1. Дождь и незнакомка

Эпиграф:

Дождь пишет письма на асфальте,

но чернила – вода.

Ты пытаешься прочесть,

пока слова не исчезли.

Но они всегда исчезают.

Дождь обрушился на город внезапно, словно небесное дно прорвалось под тяжестью скопившейся влаги. Тяжёлые, холодные капли падали на раскалённый за день асфальт с такой силой, что отскакивали вверх мириадами брызг, сверкая серебром. Леон вжался в узкую полоску сухого пространства под жестяным козырьком автовокзала – козырьком старым, прохудившимся в нескольких местах, откуда уже сочились навязчивые струйки, образуя на плитках под ногами тёмные, быстро растущие озёра. Он смотрел сквозь водяную завесу на табличку с надписью «**Расписание**». Ещё утром буквы были чёткими, властно диктующими порядок движения. Теперь же потоки воды безжалостно размывали чёрную краску, превращая слова в бесформенные и лишённые всякого смысла серые потёки. Чёткость распадалась на глазах, уступая место абстрактному мареву.

Из глубины здания, сквозь гул ливня, пробивалось дребезжащее бубенине динамика. Голос, лишённый не только тембра, но и малейшей эмоции, монотонно вещал о задержке рейса. Он звучал так обезличено, так механистично, что возникало странное ощущение: это не техника передаёт информацию, а сам дождь, этот бесконечный, равнодушный поток, бубнит свою однообразную мантру. Мантру о том, что все человеческие расписания, все маршруты и планы – лишь иллюзия контроля перед лицом слепой стихии времени и случая. Слова сливались с шумом воды в один непрерывный гул отрешённости.

Леон машинально сунул замёрзшую руку в карман пальто, нащупал знакомый твёрдый уголок и достал небольшой кожаный блокнот. Открыл первую страницу. Ещё совсем недавно она была безупречно белой, чистым листом возможностей. Теперь же на ней проступали водяные пятна – круглые, причудливо расплзающиеся по волокнам бумаги. Они напоминали ему лунные кратеры на снимках из космоса: холодные, безжизненные вмятины на когда-то нетронутой поверхности. Он осторожно, почти с благоговением, провёл подушечкой пальца по одному из размокших участков. Бумага отозвалась хрупким, податливым шелестом, края пятна слегка приподнялись. Касание было тревожным – казалось, ещё чуть-чуть, и тонкий слой целлюлозы расплзётся в кашу, унося с собой всё, что могло быть на ней записано. Но страница была пуста. Только эти немые свидетельства вторжения влаги, этого небесного архипелага на карте его личного пространства.

«Так и карты мира, – пронеслось в голове, – все эти тщательно вычерченные границы, названия столиц, извивы рек и горные хребты... Однажды они все превратятся вот в такую кашу. В бесформенные потёки краски на размокшей бумаге времени. Ничего не устоит перед этим всеобщим размывом».

Он сомкнул блокнот, прижал его ладонью к груди, к дневнику Анны, словно пытаюсь защитить от сырого дыхания дождя, от этой навязчивой мысли о конечной тщете всех человеческих чертежей и расписаний. Голос динамика снова заскулил в такт падающим каплям.

Именно тогда, когда и без того рассеянный, погружённый в свои мысли взгляд Леона, скользивший по серой водяной пелене, начал терять фокус, он заприметил её, стоявшей немного поодаль.

Фигура возникла внезапно, как мираж среди знойных песков сахара. Женщина. Она стояла абсолютно неподвижно, странный островок бездействия в потенциальном потоке людей, которых сейчас впрочем не было. Ни зонта, приподнятого в защиту против небес, ни сумки, прижимаемой к телу для защиты – ничего, что указывало бы на цель или движение. Вернее сказать, зонт у неё был. Жёлтый зонт с какими-то зелёными рисунками, висел на поясе. По причинам, остававшимся для Леона загадкой, женщина не желала его использовать.

Она была подобна статуе, заморожено глядящей в небо. Дождь, тот самый ливень, что смывал расписания и превращал асфальт в бурлящее зеркало, обрушивался на неё с неослабевающей силой. Тяжёлые струи стекали по её тонкому лицу, огибая точённые скулы, собираясь на подбородке и падая вниз. Но на её лице не было ни тени дискомфорта – ни морщин, ни наморщенного носа, ни прищур. Её глаза, широко открытые, смотрели куда-то сквозь дождь и здания, будто наблюдая не за каплями, а за чем-то иным, далёким и невидимым. Казалось, для неё это была не просто вода, а материализация чужих, навсегда утраченных или так и не рождённых мыслей, струящихся по её коже, пытающихся просочиться внутрь.

Её волосы, цвета воронова крыла, тёмные, как самые сокровенные помыслы и деяния самой Нюкты, влажными прядями слиплись на лбу и шее, очерчивая бледность лица. Пальто, явно слишком лёгкое для промозглой осени, висело на ней промокшим насквозь саваном, тяжело облекая фигуру. Ткань впитала воду, потемнела, потеряла форму, но сама женщина стояла прямо, без единой дрожи. Холод, от которого Леон инстинктивно вжался глубже под козырёк, казалось, не имел над ней совершенно никакой власти. Она излучала странное спокойствие, почти оцепенение, будто корни её уходили глубоко в мокрую землю под асфальтом, насыщаясь самой сыростью.

"Она очень похожа на..." – мелькнуло в сознании Леона с внезапной, почти болезненной остротой. Она очень похожа на неё. Анна тоже... любила дождь. Не просто терпела, а именно любила его первозданную мощь, его шум, его запах озона и вздымающейся пыли. Леон вспомнил, как она, едва заслышав первые глухие удары капель по крыше, порывисто вскакивала, лицо озарялось странной радостью. "Дождь! Ура!" – и она выбегала на улицу, подставляя лицо потокам, раскидывая руки, будто обнимая стихию. Они обе, эта незнакомка на площади и Анна из его прошлого, казалось, существовали по одним законам. Они не отгораживались от непогоды, не прятались за стенами и зонтами. Они впускали её. Впускали внутрь себя, глубоко, до самых костей, будто их кожа была не твёрдой границей, отделяющей "я" от мира, а лишь тончайшей, проницаемой мембраной. Мембраной, через которую внешний хаос свободно проникал во внутреннее пространство, смешиваясь с их собственной сутью, растворяя привычные очертания души в бурлящем потоке стихии. Стояла ли эта женщина на грани миров, как Анна тогда? Или она уже перешла её? Вопрос повис в воздухе, смешавшись с гулом дождя и далеким бубнением динамика.

Когда на остановку, шипя тормозами и разбрызгивая грязные веера воды, подкатил старый автобус, женщина вошла первой. Без колебаний, без оглядки, словно это был ожидаемый экипаж для придворной дамы. Леон, стоявший в нескольких шагах, почувствовал внезапный толчок в груди – необъяснимый, гипнотический, иррациональный импульс, сильнее доводов рассудка. За ней. Он искренне не понимал, почему ноги сами понесли его вслед за этой загадочной фигурой в дверь, почему он протянул билет кондуктору, движимый лишь смутным

ощущением, что так надо. Что пропустить этот автобус... упустить эту незнакомку – значит пропустить что-то гораздо большее.

Старый "Икарус", лязгая дверьми, словно радушно приветствовал новых пассажиров всем своим потрёпанным естеством: скрипом пружин под тонким слоем дерматина, вытертыми до блеска подлокотниками, и особенно – густым, въедливым запахом сырости и старой плесени, витавшим в воздухе, как дух самого транспортного средства. Запахом времени, вобраным в обивку и пол.

Салон был пуст. Совершенно, абсолютно пуст. Создавалось впечатление, что автобус приехал специально за ними двоими. Женщина выбрала сиденье у окна примерно в середине салона. Леон, после мгновения нерешительности, опустился напротив, через проход. Узкое пространство между ними вдруг показалось бездонным проливом. Он устроился, стараясь не смотреть прямо, но всеми порами ощущая её присутствие. Его обволок тот самый терпкий, манящий аромат – горьковатая полынь, смешанная с запахом мокрой шерсти (быть может её пальто?) и ещё чем-то неуловимо ветряным, напоминающим холодный камень после дождя. Аромат то ли напутствия, то ли предостережения.

За окном мир продолжал размываться. Капли дождя, гонимые ветром и движением автобуса, стекали по стеклу, сливаясь и расходясь, рисуя причудливые, эфемерные узоры. Леон смотрел на них, и ему виделись не просто потёки, а целая географии хаоса: извилистые реки, готовые в любой момент прорвать берега и изменить русло; острые горные хребты, чьи очертания дрожали, будто от подземных толчков, готовые сдвинуться и обрушиться; целые материки, возникающие и исчезающие за одно мановение дворника. Карты мгновения, существующие лишь пока длится этот ливень и это движение.

Тишина в салоне давила, нарушаемая только кряхтением мотора, барабанным шумом дождя по крыше и собственным стуком сердца Леона в ушах. Он почувствовал необходимость нарушить тишину, вернуть хоть каплю привычного порядка слов.

– Вы тоже едете... – начал было он, но голос прозвучал неожиданно громко и чужеродно в этой всеобъемлющей пустоте.

Она повернула голову. Медленно. Капли дождя все ещё цеплялись за её ресницы. И тогда он увидел её глаза при свете тусклых салонных ламп. Цвет был неописуемо странным. Не серый, не голубой, не зелёный. Это было как взгляд на море в тот зловеще затихший миг, когда ветер стих, а волны ещё не начали вздыматься в ярости шторма. Вода, наэлектризованная ожиданием бури, тёмная, глубокая, таящая в своих глубинах неведомую мощь и опасность. Взгляд, который не отражал свет, а, казалось, поглощал его. Полная противоположность глаз Анны. Её тёмно-голубые глаза были подобны непоколебимой морской глади. Иногда Леону даже казалось что они могли заменить собою солнце, ибо в них таился свет, тёплый, ободряющий, понимающий.

– Куда? – спросила она.

В её голосе не было не единого намёка на грубость, раздражения или даже усталость. Только лёгкое, искреннее удивление, будто Леон спросил о чем-то столь же абсурдном и не имеющем значения, как, например, количество песчинок, прилипших к подошве его ботинка в этот самый миг.

– Разве это так важно?

Вопрос повис в воздухе, тяжёлый и риторический. Леон открыл рот, но ответа не нашлось. "*Разве это важно?*" Звучало так просто и так... непреложно. Внезапно автобус резко дёрнулся, трогаясь с места или переезжая выбоину. Леон инстинктивно вцепился в подлокотник. И увидел: от резкого движения капля, висевшая на кончике её тёмных ресниц, сорвалась и упала вниз. Не на пол. На полы её пальто, на тёмную, промокшую ткань.

Он замер. Заворожённо следя, как маленькая сфера воды, искрясь в тусклом свете, ударилась о ткань, мгновенно потеряла форму и начала растекаться. Сначала маленькое тёмное пятнышко, потом – неровный ореол, границы которого медленно, неумолимо расплзались по волокнам, впитываясь, исчезая, становясь частью вечной сырости этого дня. Процесс был микроскопическим, но для Леона он казался целой вселенской драмой – рождением, расширением и поглощением. Он не мог и не желал отрывать взгляда.

Тишина в автобусе вновь загустела, стала почти осязаемой, как влажный воздух. За окном уже давно не было ни силуэтов домов, ни далёких огней фонарей, ни очертаний деревьев – только сплошная, непроницаемая стена дождя, сливающая небо и землю в одно серое, бурлящее полотно. Они мчались сквозь водяное ничто. Леон ощущал, как время теряет привычные границы – минуты растягивались в неопределённость. Шум мотора и барабанный по крыше ливень слились в монотонный гул, гипнотизирующий, как метроном или шум моря.

– Вы часто так путешествуете? – спросил он наконец, голос прозвучал хрипло от долгого молчания. Вопрос повис в сыром воздухе, казался неуместным в этом безвременье.

Она медленно отвела взгляд от окна, вернее, от того водяного небытия за ним. Но Леон с абсолютной ясностью понял – она смотрела не на дождь. Её взгляд был направлен куда-то вглубь или сквозь эту серую пелену, в невидимые дали.

– Это не путешествие, – ответила она тихо, но отчётливо. – Путешествие подразумевает прямой маршрут от точки “А”, до точки “Б”. Конечный пункт назначения. Строгую карту, если так можно сказать. – Она слегка покачала головой, и капли, застрявшие в её тёмных волосах, сверкнули. – Когда идешь туда, куда смотрят глаза, когда позволяешь ногам нести тебя туда, куда они ступают в этот миг... ты уже не путешественник. Ты становишься самым этим взглядом. Самым ветром. Ничего больше.

Леон почувствовал, как комок подступает к горлу. Он хотел спросить её имя. Простое, человеческое слово, чтобы привязать этот неуловимый свободный образ к чему-то совершенно конкретному, земному. Но что-то внутри – глубокая, животная осторожность или внезапное понимание кощунственности такого вопроса – сжало его горло. Вместо слов он потянулся во внутренний карман, достал блокнот. Тот самый, с лунными кратерами на первой странице. Открыл его на чистом листе. Взял остро заточенный карандаш. Но он не стал рисовать карту. Его рука водила по бумаге почти бесцельно, рождая не горы и долины, а просто линии. Извилистые, ломаные, текучие. Реки, не имеющие названия, истоков или устья. Горные хребты без вершин и подножий, лишь абрис напряжения земной коры. Это была не география, а сейсмограмма текущего момента, карта внутреннего ландшафта замешательства и странного покоя.

– Карты лгут, – её голос прозвучал вдруг, тихо, но с такой уверенностью, будто она прочла строки, рождающиеся под его карандашом.

Он вздрогнул, поднял глаза. Она смотрела прямо на него, и в тех странных, предгрозовых глазах светилось понимание.

– Они показывают километры, направления, названия городов. Но главное они всегда скрывают. Старательно пряча самую суть.

– Что? – выдохнул Леон, заворожённый её взглядом и этой внезапной откровенностью.

– То, что между двумя точками, – она слегка наклонилась вперёд, и её слова приобрели вес пророчества, – всегда, всегда есть третья. Не отмеченная. Не названная. Часто мимолётная, как падающая капля, или растянутая, как эта поездка сквозь дождь. Но именно она и есть суть пути. Именно она меняет всё. Именно её не покажет ни одна карта, потому что она не место. Она – момент. Состояние. Встреча. Тишина между двумя звуками. – Она замолчала, и в тишине салона её слова продолжали вибрировать, как струна.

И в этот самый миг автобус с скрежетом и шипением пневматики резко затормозил, вырывая их из гипнотического пространства диалога. Инерция толкнула Леона вперед. Он ухватился за сиденье, блокнот едва не выпал из рук.

Она же поднялась с места плавно, как будто ожидала этого рывка. Промокшее пальто тяжело колыхнулось.

– Это моя остановка, – сказала она просто, без интонации, констатируя факт.

Она сделала шаг в проход, её фигура на мгновение заслонила тусклый свет лампы. Аромат полыни, горький и холодный, ударил Леону в лицо. Потом она повернулась и пошла к выходу, не оглядываясь. Двери со скрипом и шипением распахнулись, впуская внутрь порыв влажного ветра и яростный рёв ливня. Она шагнула в серую стену воды – и растворилась в ней мгновенно, как будто её и не было.

Автобус, с глухим стуком закрыв двери, на мгновение замер. Леон резко наклонился к мутному, запотевшему стеклу, пытаясь разглядеть хоть что-то сквозь водяные разводы. Остановка была не просто пустынной – она была воплощением забвения. Посреди бескрайнего, серого поля, залитого дождём, торчал одинокий, покосившийся щит. Ни домов, ни следов дороги, ни фонарей. Только безымянная грязь под колёсами и бесконечная стена воды по горизонту. На щите угадывались остатки какой-то надписи – краска выцвела, облупилась, стёртая временем и непогодой. Лишь одно можно было разобрать с трудом: цифры "143". Они висели в пустоте, как бессмысленный артефакт исчезнувшей цивилизации, код, потерявший шифр.

Леон почувствовал холодную волну недоумения, смешанного с тревогой.

– Здесь же ничего нет, – вырвалось у него, голос звучал глухо, почти безнадежно, в гробовой тишине опустевшего салона. Это была не констатация, а протест против абсурда. Как можно выйти здесь? Куда идти?

Она уже стояла на верхней ступеньке, спиной к нему, к автобусу, ко всему миру расписаний и пунктов назначения. Капли дождя немедленно начали сливаться на её плечах, впитываясь в тёмную ткань. Она не обернулась. Только её голос, чёткий и спокойный, пробился сквозь шум ливня:

– Именно поэтому.

Дверь с резким, влажным шлепком и скрежетом механизма захлопнулась за ней, как печать. Леон инстинктивно прильнул к холодному стеклу, стирая ладонью участок запотевания. Он видел ее. Только секунду. Она сделала шаг с подножки в хлюпающую грязь, не надев капюшон, не ускоряя шаг. И тут же дождь, этот ненасытный серый великан, начал поглощать её. Сначала расплылись, потеряли форму очертания промокшего пальто, слившись с общей массой падающей воды. Потом растворились тёмные волосы, исчезнув в серой пелене. И наконец, сама её фигура стала прозрачной, неосязаемой. Остался лишь слабый, едва уловимый намёк на

движение в том месте, где она должна была быть – лёгкое колыхание воздушных потоков, будто сильный порыв ветра всего лишь согнул высокую мокрую травинку в поле. И все.

– Едем дальше! – рявкнул кондуктор где-то сзади, его грубый голос, привыкший командовать и торопить, резко вернул Леона в реальность.

Грохот мотора усилился, автобус содрогнулся и начал медленно, нехотя отползать от гибельного места.

Леон не отрывал взгляда от того клочка грязи за окном. Он прижал ладонь к стеклу сильнее, как будто пытаясь коснуться ускользающего призрака, запечатать миг. Но на том месте, где она стояла секунду назад, теперь была только большая, мутная лужа. И в её неровной, дрожащей от падающих капель поверхности, как в кривом зеркале, отражалось низкое, свинцовое небо – равнодушное, бесконечное, вечное. Ничего больше. Только небо в луже. Взгляд, обращённый в никуда, ставший всем.

Леон чувствовал, как веки становятся тяжёлыми, словно кто-то положил на них тёплые монеты.

Он не осознал момента засыпания.

Пространство вокруг растеклось, как акварель под дождём. Внезапно он сидел не в «Икарусе», а в вагоне метро – том самом, где познакомился с Анной десять лет назад. Похожий запах – металла, кожи и чьих-то духов с нотками груши. Та же дрожь колёс под ногами. Только теперь вагон был пуст, если не считать тени в дальнем углу – высокой, безликой, слегка покачивающейся в такт движению.

Тень отделилась от стены и стала приближаться. Леон понял, что это не Анна. Не Элиза. Это было нечто в пальто, сшитом из карт – он различал очертания материков на складках, красные линии маршрутов вместо швов. Существо село напротив.

– Ты забыл главное правило, – прошепело оно голосом скрипящего пера.

– Какое? – собственный голос эхом отражался от стен.

– Что на каждой карте есть место, которое нельзя нанести. Твоё пятно слепоты.

Глава 2. Отель '

Последний приют

,

Эпиграф:

Отель, где остановилась Вечность,

выдаёт ключи из кости.

Комната №13-

это дыра в ткани Завтра.

Не стучите.

Не беспокойте.

Там уже живёт

ваше вчера.

Конечная! На выход! – Скомандовал водитель.

Леон, вырванный с оков сна, повинаясь властному голосу, вышел из автобуса, и тот фыркнув клубом выхлопных газов, оставил его в неизвестности. Леон осматривался по сторонам, но как не силился вспомнить, это место не было ему знакомо. Тишина была плотной, почти осязаемой, нарушаемая лишь шелестом какого-то сухого бурьяна да далёким, тоскливым воем собаки.

Средь густого леса стоял он. «*Последний Приют*». Двухэтажное здание казалось не просто старым, а искажённым самим временем. Оно заметно накренилось от своей, будто земля под ним когда-то глубоко вздохнула от усталости. Каждый кирпич его фасада был испещрён сетью глубоких трещин. Они расплзались жилистыми паутинами, напоминая не столько следы разрушения, сколько замысловатые узоры на высохшем русле времени. Вывеска, некогда сиявшая позолотой надежд, теперь походила на проржавевшую, покорёженную раму, обрамляющую пустоту – зеркало, в котором давно уже не отражалось ничего, кроме забвения.

Дверь скрипнула протяжно, как стон, нехотя пропуская его внутрь. Воздух в вестибюле ударил в лицо – густой, спёртый, сладковато-гнилостный. Это был тяжкий коктейль из вековой пыли, вьёвшейся в каждую щель. Старого церковного ладана, застывшего в неподвижности. Сырости отпадающей штукатурки. Это был запах умирающего места. Пылинки танцевали в единственном луче света, падавшем из-под высокого, грязно-зеленого абажура на стойку регистрации. Сама стойка была завалена грудой пожелтевших, хрупких газет – хроник давно минувших дней. Свет лампы выхватывал из полумрака только руки человека за стойкой. Длинные, бледные пальцы с тихим постукиванием, перебирали чётки. Бусины были темные, матовые, явно костяные, холодные на вид.

– Приветствую вас месье, в«*Последнем Приюте*» всегда рады постояльцам. Желаете снять комнату? – Голос прозвучал негромко, сухо, как шелест тех же газет.

Он принадлежал худощавой фигуре, скрытой в глубокой тени за стойкой. Лишь смутно угадывались очертания бархатного пиджака. Лицо оставалось неразличимым пятном, сгустком тьмы.

– Здравствуйте, на одну ночь, пожалуйста – ответил приезжий, и его собственный голос показался ему искажённым.

– Сейчас почти все номера свободны, – произнёс теневой человек, и пауза после этих слов повисла тяжелее, чем запах в воздухе. – Кроме тринадцатого. – Он выдвинул ящик стола и в его руке возник ключ.

Не просто ключ, а тяжёлая, массивная железная бляха с выбитой потускневшей цифрой «7», прикреплённая к тусклому, холодному металлу. Ключ упал на стойку с глухим, окончательным стуком.

– 13-й номер занят. Занят.... Вечностью.

Фраза прозвучала не как предупреждение, а как констатация неоспоримого, древнего факта. Леон, казалось, уловил на мгновение слабый отсвет от зелёного абажура в его тёмных глазах.

– Так, сколько с меня за номер... мистер...

– Прошу вас, зовите меня Себастьян. Вы всегда можете ко мне обратиться, коли возникнет такая потребность. – отозвался теневой человек из-за стойки, и имя прозвучало неожиданно мягко, почти нежно, контрастируя с окружающим мраком. – Цена номера договорная, для всех по разному, а также, позволю себе заметить, есть возможность что вы тут пробудете несколько дольше одной ночи.

Когда он двинулся навстречу, выходя из-под зелёного ореола лампы, Леон увидел его хромоту. Старик опирался на трость с набалдашником в виде стилизованного глобуса, но это не помогало: левая нога, казалось, была не частью тела, а мёртвым грузом. Она волочилась за ним по пыльному полу гостиничного вестибюля, оставляя отчетливую, непрерывную борозду. *“Совсем как плуг по непаханой целине или как киль корабля по дну высохшего моря”* подумал Леон.

– Вы давно здесь? – спросил Леон, следуя за Себастьяном к лестнице.

Его голос был слишком громким в гнетущей тишине, нарушаемой лишь шарканьем волочащейся ноги. Ступени, когда они начали подъём, закрипели с таким надрывом, что звук походил не на дребезжание дерева, а на предсмертные стоны, вырывающиеся из самых недр здания.

– Довольно давно. – ответил Себастьян, и в его голосе слышалось нечто среднее между усталостью и мудростью тысячелетий. – Достаточно, чтобы понять одну простую вещь. Время... здесь не течёт, как река. Оно не линейно. Оно есть болото. Густое, тягучее, топкое. И знаете, что самое интересное в болотах? Пузыри. Газ накапливается в глубине, в иле прошлого, и вдруг – бульк! – всплывает пузырь. Вчерашний разговор, оброненный десятилетия назад. Завтрашний стук в дверь, который ещё не прозвучал. Всё смешалось. – Он с усилием вставил тяжёлый ключ в скрипящую скважину. Замок с грохотом повернулся. – Посему будьте осторожны, месье. Осторожнее с воспоминаниями. Особенно здесь. Они... мокрые. Скользкие. Могут выскользнуть из рук, раствориться в этом болоте. Или... – он распахнул дверь, и из темноты комнаты пахнуло холодом и пылью, – ...или обернуться трясинной и затянуть с головой. Навсегда.

Комната №7 встретила Леона не просто темнотой, а ощущением тесной клетки, сплетённой из сгустившихся, практически осязаемых теней. Себастьян щёлкнул выключателем. Лампа под потолком мигнула раз, другой, и наконец зажглась тусклым, желтоватым светом, едва разгоняя мрак.

Он обернулся, и в этом свете, Леон впервые разглядел его лицо – измождённое, с кожей цвета старого пергамента, глубоко изрезанное морщинами, которые напоминали те самые трещины на фасаде. Но глаза... глаза были странно яркими, как два уголька, тлеющих в пепле.

Плафон, когда-то белый, теперь был плотно обтянут вековой паутиной, превратившейся в серый саван. Свет, пробиваясь сквозь эту паутину и слои пыли, отбрасывал на стены и потолок причудливые, постоянно меняющиеся узоры. Они напоминали не то очертания неизвестных материков с изрезанными береговыми линиями, не то схемы безумных лабиринтов, не то запутанные карты звёздного неба, видимого сквозь толщу грязного льда.

Взгляд Леона упал на массивный комод темного дерева, стоявший у дальней стены. На нем, в простой деревянной рамке, стояла черно-белая фотография. На ней был запечатлён молодой человек с острым, умным лицом и аккуратными усиками над уверенной улыбкой. Он стоял, оперевшись одной рукой на высокую чертёжную доску, а в другой держал точный инженерный циркуль, как рыцарь держит меч. Его взгляд был устремлён в будущее, полное ясных

линий и точных расчётов. Леон узнал в нем Себастьяна. Контраст между этим уверенным юношей на фото и хромым стариком у двери был настолько разительным, что Леон невольно ахнул.

– Вы... вы картограф? – спросил он, указывая на фотографию и циркуль. Удивление заставило его забыть о мрачных предостережениях.

Себастьян, поправляя воротник своего вытертого бархатного пиджака, скользнул взглядом по изображению. В его тлеющих глазах мелькнуло что-то неуловимое – то ли грусть, то ли ирония, то ли отголосок давней гордости.

– Был, милейший – ответил он просто, голос его стал ещё тише, ещё суше. – Давным-давно. Наносил на бумагу очертания гор, рек, городов... Пока не осознал одну фундаментальную ошибку. – Он медленно подошёл к комоду, его костяной палец с жёлтым ногтем лёг не на фотографию, а на свою собственную височную кость, постучав по ней. – Настоящие территории, уважаемый, самые важные и самые опасные для исследования, находятся не снаружи. Они – вот здесь. Внутри нас самих. – Его палец ещё раз стукнул по виску. – Мы все картографы, хотим того или нет. Каждый день, каждую минуту. Мы рисуем карты своей любви, отмечая на них оазисы счастья и пустыни разочарований. Мы чертим карты своих потерь... лабиринты, из которых нет выхода. Конечно же, мы составляем подробнейшие карты своих самых потаённых страхов. Самые точные, самые детализированные... и самые тёмные. Вот настоящие материки, которые стоит исследовать. Или... которых стоит бояться. – Он повернулся к двери, его тень, гигантская и уродливая, заплесала на стене с картой неизвестной земли. – Доброй ночи... и не забывайте о болоте.

После ухода Себастьяна, чьи шаги, эхом отдавались в пустом коридоре, Леон остался наедине с клеткой теней. Тишина в комнате нарушалась лишь потрескиванием старых балок и настойчивым завыванием ветра за тонким стеклом. Желая отвлечься от мрачных мыслей и предостережений о "*мокрых воспоминаниях*", он начал бесцельно осматриваться. Взгляд упал на ночной столик из тёмного, почти чёрного дерева, стоявший у кровати с прогнувшимся матрасом.

Потянув за липкую ручку ящика, Леон обнаружил под слоем пыли стопку пожелтевших, ломких телеграмм. Штемпели на них были стёрты временем, текст выцвел до нечитаемости – лишь обрывки фраз, похожие на крики утонувших кораблей: "...не опаздывай...", "...опасно...", "...прости...". Под этим архивом утраченных сообщений лежала книга и странный компас, стрелка которого медленно вращалась.

Тонкий том в потертом кожаном переплете цвета запекшейся крови. Золотое тиснение на корешке почти стёрлось, но на лицевой стороне ещё угадывались слова: «**Логика иррационального**». Ниже – имя автора, заставившее Леона вздрогнуть: *Эмиль Чоран. Философ бездны*. От книги веяло сыростью подвала, ладаном и чем-то ещё – горьким, как полынь.

Леон осторожно перелистнул страницы. Они были не просто прочитаны – они были прожиты. Изучены до дыр. Но не чернильными пометками на полях. Здесь работал другой инструмент. Страницы испещрены мельчайшими проколами, словно кто-то вышивал по бумаге тончайшей, острой иглой. На просвет, против тусклого света лампы, эти проколы складывались в причудливые, колючие узоры – абстрактные или напоминающие картографические символы? – и в слова. Комментарии. Не дополнения, а вызовы, выкрики в ночь.

Страница 45,

Под знаменитой цитатой:

«Безумие – это маяк, чей свет виден только в шторм»,

кто-то выколол иглой, с яростной точностью, ответ:

«Маяки тоже лгут. Они зовывают к скалам».

Слова казались не написанными, а выжженными на бумаге холодным огнём отчаяния. Свет маяка – не спасение, а смертельная ловушка. Иллюзия надежды в самой гуще кошмара.

Леон перевернул хрупкую страницу, чувствуя, как мурашки бегут по спине.

Стр. 102.

Ещё один краеугольный камень:

«Карта не территория».

На полях рядом – не проколы иглой, а что-то иное. Глубокие, неровные борозды, как будто кто-то вдавливал текст ногтем, с бешеной силой, раздирая верхний слой бумаги до волокон. Словно хотел добраться до самой сути, до кости мира. И там, в этом акте почти варварского отрицания, выдавлено:

«Но территория – тоже иллюзия. Спроси у ветра».

Как будто в ответ на эту мысль, ветер за окном внезапно усилился. Его вой превратился в протяжный, ледяной стон, врывающийся сквозь щели в раме. Он гудел в печной трубе, скрёбся сухими ветвями по стене. И сквозь этот хаотический гул, этот голос самой пустоты и непостоянства, Леону отчётливо почудилось – нет, протянулось что-то иное. Не просто звук, а шелестый выдох, просочившийся сквозь дребезжащее стекло:

'Э...ли...за?'

Имя. Висящее в ледяном воздухе комнаты №7. Спрошенный у ветра ответ на утверждение о иллюзорности территории? Призрак, вызывающий из прошлого, записанного в колющих шрамах книги? Леон замер, книга тяжёлым камнем лежала на его ладони, а за окном ветер, словно насмехаясь, снова выл, сливаясь с шёпотом имени в один бесконечный, тоскливый звук забвения. Элиза. Иллюзия? Или единственная подлинная территория в этом отеле теней?

Сон упорно отворачивался от Леона. Он ворочался на скрипучей кровати, чувствуя, как пыль матраса въедается в лёгкие. За тонким стеклом окна бушевал не просто ветер – бушевал оратор. Он не выл, а изрекал. То протяжное, леденящее душу «*у-у-у...*», похожее на плач потерянной души, то резкое, как выстрел, «*тук!*» в само стекло. Невидимый кулак требовал впустить его внутрь. Каждый удар по стеклу заставлял Леона вздрагивать, его нервы были натянуты, как струны расстроенного инструмента.

Не в силах больше терпеть этот монолог пустоты, он сорвался с кровати. Пол под босыми ногами был ледяным. Подойдя к окну, он прижал лоб к холодному стеклу. Луна висела в разорванных тучах – не сияющий диск, а бледная, мутная отметина на небе. Её болезненный свет лизал пустырь за «**Последним Приютом**». И там, в этом призрачном сиянии, среди клубов взвихренной ветром пыли и сухого бурьяна, кружилась фигура.

Женская? Мужская? Неясно. Длинное, тёмное пальто, развевающееся, как крылья летучей мыши. Вспышки чёрных волос, мелькавших в вихре. Она двигалась не по прямой, а по спирали, бесцельно или в каком-то трансе, её ноги почти не касались земли, уносимые пылевым вихрем. Она казалась частью этого безумного ночного танца, порождением ветра и лунного наваждения.

Сердце Леона бешено колотилось где-то в горле. Не раздумывая, движимый внезапным, иррациональным порывом – то ли окликнуть, то ли изгнать – он рванул скобу и распахнул окно настежь.

Ледяной нож ветра вонзился ему в лицо, ворвался в лёгкие, выбивая дыхание. Глаза слезились от холода и пыли.

– Э... эй?! – вырвалось у него, больше похожее на захлёб, на предсмертный стон, чем на человеческий оклик.

Фигура замерла. Резко, как по команде. Пыль начала оседать. Она стояла теперь лицом к нему, хотя черт лица разглядеть было невозможно – лишь смутный, неясный силуэт в лунной мгле. Несколько томительных секунд тишины, нарушаемой только свистом ветра в ушах. Потом... медленно, очень медленно, как марионетка на невидимых нитях, фигура подняла руку. Не для приветствия. Рука была вытянута вперёд, указательный палец направлен – не на Леона, а сквозь него. Куда-то вглубь самой комнаты. Жест был неумолимым, как приговор.

Холодный укол предчувствия пронзил сердце смотрящего острее ветра. Он безропотно повиновался жесту. Медленно, скрипя позвонками, он обернулся.

В углу комнаты.

Там, где секунду назад зияла лишь пустота, сгущенная тень от комода...

Теперь стояла Она.

Анна.

Та самая, что являлась ему в кошмарах, мучительных и неотвратимых. Но теперь она была не сном. Она была здесь. Вода. Её светлое платье – то самое платье – было промокшим насквозь. Тёмным, тяжёлым, прилипшим к телу. С неё буквально лило. Прозрачные струйки, тёмные пятна на ткани... Вода капала с кончиков её тёмных волос, с пальцев рук, свисавших как плети, стекала по складкам платья и падала на пыльные половицы с тихим, мерзким плюханьем... плюх... плюх.... Уже образовывалась небольшая, но растущая лужа, чёрное зеркало на полу, отражавшее тусклый свет лампы и жуткую фигуру.

Лицо Анны было бледным, как лунный свет за окном, глаза – огромными, тёмными, бездонными колодцами. И её губы. Её бледные, чуть синюшные губы – шевелились. Не смыкаясь. Беззвучно. Формируя слова, которые Леон слышал не ушами, а где-то внутри черепа, холодным эхом:

«Там... где кончаются карты...»

Фраза повисла в ледяном воздухе комнаты, смешавшись со звуком капель и завыванием ветра, который теперь казался торжествующим рёвом. Леон стоял, пригвождённый к месту, между распахнутым в ночь окном, где замерла фигура-указатель, и мокрым призраком в углу, провозглашавшим конец всех известных ему миров. Карты – его личные, Себастьяна, всего человечества – обрывались здесь. В номере 7 отеля *«Последний Приют»*. У края лужи, растущей из платья мёртвой девушки.

– Анна? – имя сорвалось с его губ едва слышным шёпотом, больше похожим на хрип выброшенного на берег утопающего.

Его разум метнулся, пытаясь нащупать хоть какую-то опору в этом безумии. Призрак? Но призраки не пахнут тиной и стоячей водой.

Галлюцинация? Слишком реальны были ледяной воздух и тяжесть её присутствия.

Посланница? Но откуда? Из каких глубин забвения или... Вечности?

Что бы это ни было, бессилие и отчаяние сменились неудержимым порывом. Он шагнул вперед. Босые ступни ощутили леденящую сырость пола. Капли, падавшие с её вытянутых пальцев, не просто создавали лужи. Они оставляли на пыльном дереве сложные, быстро растущие узоры – тёмные острова, разделённые тонкими проливами. Целый архипелаг её горя и боли, материализованная на полу комнаты №7.

– *Почему ты не сжжёг их?* – Голос, безусловно был её.

Узнаваемый до мурашек. Тот самый, что звучал и в смехе, и в шёпоте. Но исходил он не из дрожащих губ этой сущности. Он звучал из тёмного угла за комодом, из щели под дверью, из самого скрипучего паркета, из вихря за окном – из всех углов комнаты и отеля сразу, сливаясь в один пронзительный хор скорби и укора.

– *Письма. Все эти письма. Карты наших поездок...* – Голос дрогнул, и капли с её пальцев участились. – *Даже ту проклятую фотографию на пляже... Ты носишь их с собой. Как святыни? Нет.* – Её голос стал, ледяным и безжалостным: – *Ты носишь смерть как компас. Она твой единственный ориентир.*

Леон содрогнулся. Слова били в самую суть его существа, обнажая гниющую рану, которую он так тщательно скрывал даже от самого себя.

– Я не могу... – выдохнул он, голос его сломался. – Просто... взять и сжечь... всё... Это же... ты...

Её фигура содрогнулась, как будто пронзённая невидимым ветром. Контуры стали расплываться, мерцать, как пламя свечи на сквозняке. В тех самых глазах, огромных и бездонных мелькнуло нечто нечитаемое: то ли бесконечная жалость, то ли горькое разочарование.

– *Ты боишься! Ты веришь, что забыть боль – значит забыть меня? Что если боль уйдёт, от меня не останется ничего? Ни следа?* – В её голосе, звучавшем теперь только из её дрожащих губ, слышалась невыносимая усталость вечности. – *Так ты превращаешь нашу любовь... в мавзолей. Из страха.*

Она сделала неуверенный шаг вперёд. Ледяное сияние, исходившее от неё, стало невыносимым. Мокрая, тяжёлая рука медленно поднялась. Леон не отпрянул. Он замер, парализованный ужасом и странным, мучительным желанием прикосновения – даже такого. Её пальцы, холодные как глубины океана, коснулись его лба.

Холод. Не просто холод, а абсолютный ноль. Ледяная игла вонзилась сквозь кожу, плоть, череп, прямо в мозг. Онемение пронзило всё тело, вытесняя воздух из лёгких. Зубы застучали мелкой дрожью.

– *Послушай...* – её шёпот был теперь внутри его черепа, вибрируя в заледеневших костях. – *Есть места... за границами понимания. Где карты твоего разума, карты всего человеческого знания... бессильны. Они рвутся там также легко, как паутина.* – Её взгляд, казалось, проникал сквозь стены отеля, в самую глубь ночи. – *Там дороги не чертят циркулем. Их рисует... ветер. Слепой, свободный, неумолимый. И компас там...* – её пальцы дрогнули на его лбу, усиливая ледяное жжение, – *...твой компас смерти... он покажет только одно направление. В пропасть. Где...*

Фраза оборвалась. Её форма задрожала с новой силой, стала прозрачной, как дым над водой. Капли перестали падать. Архипелаг на полу начал медленно бледнеть, впитываясь в дерево. Холод от её прикосновения оставался, как клеймо, но сама Анна растворялась в воздухе комнаты, унося с собой конец фразы и оставляя Леона стоять в ледяном одиночестве на берегу исчезающих островов его горя.

Тройной стук в дверь. Он разнёс вдребезги архипелаг луж на полу, растворил в ничто Анну, её пронизывающий до костей холод, её взгляд, полный немого укора. Леон стоял посреди внезапно оглушительной реальности комнаты, тело сотрясала мелкая дрожь, будто под кожей бегали стаи ледяных муравьев. Лоб пылал – не жаром, а именно жгучим холодом того призрачного касания, словно на него навеки лёг отпечаток чужой, нечеловеческой плоти. Сердце бешено колотилось в грудиной клетке, отчаянная птица, бьющаяся о прутья. Каждый удар отдавался в висках, в горле пересохло.

Дверь, скрипнув старыми костями, отворилась. На пороге, как материализовавшаяся из полумрака коридора тень, стоял Себастьян. В его безупречно выверенных, почти церемониальных движениях была пугающая предопределённость. В руках он держал потускневший медный поднос – реликвию, казалось, вынутую из витрины музея забытых эпох. На нем одиноко стояла фарфоровая чашка, тонкая, почти прозрачная. От неё поднимался пар, несущий с собой терпкую горечь полыни и что-то неуловимо древнее, пыльное – запах запертых архивов, рассыпающихся от времени манускриптов, покрытых паутиной веков. Его глаза неотразимо проникающие, скользнули по Леону, но не задержались на его бледном лице или дрожащих руках. Они видели самую сердцевину только что пережитого кошмара, читали остатки видения на его измождённой сетчатке.

– Полагаю вас ветер будил? – спросил Себастьян. Голос его был ровным, гладким, как вода в заброшенном колодце, куда давно не падал солнечный луч. Ни тени волнения. – Он сегодня... особенный. Игривый до беспокойства. Шныряет по щелям, стучится в ставни, шепчет чужие имена на забытых наречиях. Будто ищет кого-то или что-то.

Леон, все ещё пытаясь вдохнуть полной грудью, машинально провёл ладонью по лицу. Кожа была влажной, холодной от пота, липкой. А на лбу чувствовался тот самый шрам холода, пульсирующий призрачной болью. Он лишь кивнул, сжав челюсти. Слова застряли где-то в горле, склеенные страхом и непониманием. Взгляд его, блуждающий, наткнулся на книгу. Старый, потрепанный томик Чорана, лежавший на потертом комод. Рядом с ним лежал тот самый компас. Луч утреннего солнца, пробившийся сквозь завесу пыли на окне, выхватил его. Леон увидел: стрелка не просто дрожала. Она бешено вращалась, описывая безумные круги, будто попав в водоворот невидимых магнитных бурь, терзающих самую ткань реальности в этой комнате.

– Кто... – голос Леона сорвался, хриплый, надтреснутый. Он сглотнул ком в горле, чувствуя, как холодный ожог на лбу пульсирует в такт безумному танцу компаса. – Кто живет в тринадцатом номере? – выдавил он наконец.

Вопрос повис в воздухе, тяжёлый и нелепый, но единственно возможный.

Себастьян с неспешной грацией поставил поднос на комод рядом с книгой. Металл глухо звякнул о дерево, звук был похож на погребальный колокол. Он поправил бархатный лацкан своего безупречного, но явно старинного покроя пиджака, его пальцы двинулись с хищной плавностью.

– Разные гости, – ответил он, и в его интонации зазвучала каменная твёрдость. – Те, кто потерял не дорогу в лесу или на карте. Они потеряли дорогу во времени. Или... – он сделал едва заметную паузу, в его глазах мелькнула тень чего-то древнего и безжалостного, – ...или нашли его слишком много. Запасы веков тяжким грузом ложатся на плечи. Иногда они оставляют после себя... эхо. Отзвук шагов в пустом коридоре. Шёпот за стеной, когда за ней никого нет. Или... книги. – Его взгляд скользнул к томику *Чорана*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.